

Поздравляем!

с 70 — летием:

Зинаиду Николаевну Пташник, Александру Иосифовну Альперович, Якова Ефимовича Загальского, Инну Иосифовну Марьямову, Евгения Юрьевича Вырова;

с 75 — летием:

Леонида Михайловича Шлимовича, Наталью Григорьевну Кириленко, Зою Александровну Назарову, Александру Залмановну Иоффик, Нелю Васильевну Магулевскую, Ефима Борисовича Окупа;

с 80 — летием:

Петра Абрамовича Якубовского, Ядвигу Викентьевну Яцуту, Марию Евгеньевну Епихину, Клару Владимировну Акулиничеву, Регину Рейтовну Струковец, Клару Мойсеевну Полякову, Нину Тимофеевну Гальперину;

с 85 — летием:

Ольгу Михайловну Бродоцкую, Маргариту Петровну Ярандину, Михеля Шмулевича Фишкиса, Евдокию Тихоновну Лев, Якова Борисовича Жмудя, Ольгу Федоровну Якимциак, Надежду Ивановну Болотину;

с 95 — летием:

Розу Моисеевну Гершеневич;

с 100 — летием:

Сару Исаевну Никифоренко!

Желаем здравствовать до ста двадцати лет!

ПЛАН РАБОТЫ КЛУБА «ХЭСЭДА-АРЬЕ» НА АВГУСТ 2009 г.

Дата	Название	Ответственный	Время
02.08	Программа «Смалим: амулеты и талисманы в еврейской традиции»	О. Фадеева	15.00
05.08	Видеосалон. Просмотр документального фильма «Иерусалимский Храм»	Д. Евшина	15.00
09.08	Музыкальный салон. «Кумиры. Михаил Александрович»	Л. Лазечко, Л. Кузьмина	15.00
12.08	Заседание клуба «Весёлый попугай»	В. Расин	15.00
16.08	Концерт артистов РКЦ «Вальс о вальсе»	С. Волкова	15.00
19.08	День ветеранов ВОВ	Ф. Музыканский	15.00
23.08	Литературно-музыкальная композиция, посвящённая Булату Окуджаве	Ю. Скорупо	15.00
26.08	Лекция из цикла «Всё о воде... и не только. Ч. 2. Фиточаи, фитосборы, фитобальзамы»	М. Шеремета, магистр фармации, журналист-международник	12.00
30.08	Творческий вечер Жанны Храмовой «Меж двух зеркал»	Д. Евшина	15.00

Внимание! В плане возможны изменения, следите за доской объявлений.

О б ъ я в л е н и я**РЕГИСТРАЦИЯ НА КОНФЕРЕНЦИЮ ЛИМУД УКРАИНА, ТРУСКАВЕЦ, 2009 ОТКРЫТА!**

Со 2 по 5 ноября 2009 года, в санатории «Женева» в Трускавце (www.sangeneva.com.ua) пройдет Конференция Лимуд Украина. Участников ждут лекции, семинары и мастер-классы известных специалистов в области иудаики, еврейской истории и культуры, обширная вечерняя программа. Уникальная природа Карпат и знаменитый трускавецкий курорт позволят вам позаботиться о своем здоровье — для участников Лимуда предусмотрены скидки на проживание в санатории «Женева» до и после Конференции.

Мы с радостью сообщаем Вам о начале регистрации на конференцию Лимуд Украина, Трускавец, 2009! Не пропустите и не опоздайте: количество мест участников в этом году крайне ограничено! Для этого Вам необходимо зарегистрироваться у координатора Гунёвской Ирины:

тел. раб. 237-74-75, моб. 8-096-828-51-35, m-rusia@mail.ru

До 1 августа членский взнос участника составляет 810 гривен + оплата стоимости дороги, позже — будет дороже!

Ждем вас на конференции!

Все подробности на нашем сайте: www.limudfsu.org

ОРГКОМИТЕТ

УВАЖАЕМЫЕ ПОДОПЕЧНЫЕ ХЭСЭДА!

Для увековечения памяти евреев, уничтоженных нацистами и их пособниками во время Катастрофы (Второй мировой войны) на территории бывшего СССР, просим Вас оказать посильную помощь в заполнении анкеты "Листа свидетельских показаний" для хранения их в Зале Имен музея Яд Вашем (Иерусалим, Израиль).

За помощью в заполнении анкеты просим обращаться к куратору Хэсэда Галине ГАМПЕЛЬ

ВНИМАНИЕ!

В библиотеке продолжается реализация проекта «Народы мира пишут Библию». Желающие могут собственноручно переписать отрывок библейского текста на украинском языке и получить именное Почётное Свидетельство.

Редакция не всегда разделяет точку зрения автора.

«Хэсэд-Арье». Бюллетень Львовского областного еврейского благотворительного фонда.

Регистрационное свидетельство серия ЛВ № 444 от 17.09.99 г.

Издаётся с 17.10.99. Выходит один раз в месяц. № 7 (113), август 2009 г. /тамуз - ав 5769 г.

Редакционная коллегия: Ада Дианова, Ольга Фадеева, Ирина Сайдаковская, Леонид Гольберг (Дрогобыч)

Фотограф — Вадим Тадер. Редактор — Ирина Белоус, e-mail: redaktor@hesed.lviv.ua.

Наш адрес: Украина, 79013, Львов, ул. Котляревского, 30. Тел./факс: (0322) 238-11-78, 238-98-60. <http://www.hesed.lviv.ua>

Дизайн и верстка: А. Огоноченко. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Распространяется бесплатно.

Бюллетень
Всеукраинского
еврейского
благотворительного
фонда

«ХЭСЭД-АРЬЕ»

ИЮЛЬ 2009

№ 7 (113)

ТАМУЗ — АВ

5769

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

0000000

3.08

85 лет со дня рождения Леона Юриса, американского еврейского писателя, автора художественно-документальных произведений. Наиболее известны его романы «Эксодус» («Исход») о нелегальной иммиграции евреев из послевоенной Европы в Палестину, «Милая, 18» о Варшавском гетто, «Суд королевской скамьи» о судьбе известного врача, бывшего узника концлагеря. Л. Юрис ушёл из жизни 21.06.2002 г.

12.08

125 лет со дня рождения Давида Бергельсона, еврейского прозаика, драматурга, публициста. Писал на русском, иврите, идише. Жизни евреев Украины начала XX в. посвятил роман «Бам Днепр» («На Днепре»). В начале 30-х гг. неоднократно посещал Биробиджан, написал цикл рассказов о первых строителях Еврейской АО. В годы 2-й мировой войны был членом Еврейского антифашистского комитета, работал в редколлекции газеты «Эйникайт» и альманаха «Геймланд». В 1949 г. арестован, позднее расстрелян.

23.08

85 лет со дня рождения Эфраима Кишона (Ференца Кишхонта), израильского писателя-юмориста, журналиста, режиссёра своих пьес и кинофильмов, лауреата Премии Израиля (2002 г.). Писал на иврите. Многочисленные сборники юморесок, фельетонов, рассказов и водевилей в сатирической форме повествуют об израильской действительности и переведены на 37 языков. Скончался 29.01.2004 г.

24.08

125 лет со дня рождения Александры Бруштейн, прозаика и драматурга. Закончила высшие Бестужевские курсы в Петербурге, обучала рабочих грамоте, участвовала в подпольном социал-демократическом движении, помогала политзаключённым. О своём творческом пути и о театральной жизни России в начале XX в. А. Бруштейн рассказала в мемуарных книгах «Страницы прошлого» и «Дорога уходит вдаль». В провинциальных газетах печатала стихи, очерки, переводы. На сценах многих театров Советского Союза шли драматические произведения А. Бруштейн — более 60 пьес и оригинальных инсценировок классических произведений. Скончалась 20.09.1968 г.

24.08

День Независимости Украины

«ЄВРЕЇ ЛЬВОВА МІЖ СВІТОВИМИ ВІЙНАМИ»

2 0 0 9 Г О Д — Г О Д Ш О Л О М - А Л Е Й Х Е М А

Театру-студии «Дебют» «Хэсэда-Арье» не в новинку выступать на театральном фестивале «Блуждающие звёзды» в Киеве. Посудите сами, — из года в год ребята привозят во Львов почётные дипломы фестиваля. Да и в Киеве уже знакомы с театром, каждый год гостеприимно открывая свои двери нашему коллективу.

Этот год особый — год 150-летия нашего великого классика Шолом-Алейхема. В этот год Кабинет министров Украины учредил премию по культуре им. Шолом-Алейхема, выпущена юбилейная марка, конверт, серебряная монета.

Театр «Дебют». Спектакль «Немец».

Все еврейские организации нашего города тоже активно участвуют в программе празднования юбилея, а у нас в Хэсэде проведено уже не одно мероприятие, посвященное любимому автору: это и лекция о потомках Шолом-Алейхема, и литературно-музыкальная композиция, и многочисленные беседы и чтения его произведений. А театр «Дебют» подготовил спектакль по рассказу «Немец», обозначив жанр спектакля как комедию-анекдот.

Примечательно, что руководитель театра В. Ольховский в новой работе показал себя не только как актёр, режиссёр-постановщик, но и как автор инсценировки. Худсоветом работа была принята, и осенью на театральном фестивале «Блуждающие звёзды» в Киеве ребята вновь будут представлять «Хэсэд-Арье».

Надеюсь, что актёры, которые работают лихо, слаженно, как единый механизм (выделять кого-то довольно сложно), будут так же убедительны, интересны, колоритны и перед уважаемым жюри фестиваля. В добрый путь!

Дина ЕВШИНА

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ И СНАРУЖИ

Письмо Вадика Серебрякова — нового волонтера — мы напечатали в предыдущем номере. Теперь предлагаем Вашему вниманию его взгляд на наш Дом, так сказать, «взгляд со стороны». Хотя сейчас уже, наверное, не совсем и со стороны, ведь Вадик третью неделю посещает наших бабушек и даже успел кое-кому из них помочь.

Какой он, Вадик? О-о-очень высокий, не вмещающийся в дверной проём — такими «детей пугать» (так он думает), внимательный (и фотографию собаки Дины приметил, и фамилии запомнил), и догадливый... Впрочем, судите сами: кто-то — по словам, а кто-то, кому уже довелось познакомиться, — по делам.

Снаружи это здание кажется маленьким — такой настоящий сказочный домик. Так и тянет лизнуть одну из его серебристых стен, но сдерживаюсь, все-таки иду сюда в первый раз, как бы не приняли за идиота. На двери звонок, то есть спросят «кто пришел?» и могут не пустить. Изюм всех сил стараюсь принять солидный вид. Звоню. Открывает маленькая девочка: «Звонить не надо было, здесь всегда открыто». Тыфу ты. Захожу.

А домик не такой уж и маленький. Коридор простирается куда-то далеко-далеко. Но мне к Аде Диановой надо. А девочка убежала уже. Зато есть охранник, сидит рядом с входной дверью, за столиком. «Скажите, Аду Дианову где можно найти?» — «А Вы кто?» — «Вот никогда не знал, как отвечать на этот вопрос... Мы с ней договаривались, она в курсе». — «Тогда на второй этаж идите».

Я и пошел. А места на втором этаже, как на первом — то есть много: здание ведь только снаружи маленькое. Куча дверей, в какие стучать — непонятно. Впрочем, одна дверь открыта.

— «Не подскажите, Ада Дианова в каком кабинете?» — «А Вы кто?» — «Что они все, сговорились?.. Она меня ждет, мы договаривались». — «Вот как?» — и даже проводили до кабинета.

А в кабинете совещание — нужно подождать. «Присаживайтесь», — говорят. Сажусь, а просто сидеть скучно, так я секретарше вопросами надоедаю. — «Скажите, пожалуйста, слово «Хэсэд» что означает?» — «Милосердие». — «На иврите?» — «Да». — «А «Арье»?» — «Лев». — «Это потому что Львов, да?» Секретарша поражена моей догадливостью.

— «А что это за собачка, на фотографии?» — «Это Дина — наш талисман. Она уже восемь лет с нами в Хэсэде».

Тем временем, совещание заканчивается. Из кабинета люди начинают выходить. Замечают меня.

— «Это Вы Серебряков?» Вот она слава! После «А Вы кто?» — такой контраст!

— «Да, это я...» — «Проходите, Ада Вас ждет».

Ада Дианова — человек удивительный сверху, начиная с прически, донизу. Улыбка у Ады лучезарно-ослепительная, глаза с таинственным прищуром. Говорят, Ада бывшая актриса, но также говорят, что бывших актрис не бывает.

— «Здравствуй, Вадик. Мы всем Хэсэдом читали твои описания, были тронуты до глубины души». Из-под стола выплывает талисман Хэсэда — собачка Дина. От изображения на фотографии Дина отличается пузатостью и кривоногостью, что делает ее ближе этому далекому от совершенства миру. Дина так рада моему появлению, можно подумать, что и она читала мои описания.

— «Вадик, показать тебе Хэсэд?» — «Покажите, конечно!» А сам думаю, чего его там показывать, маленький сказочный домик...

Ага, щас! По Хэсэду можно ходить несколько дней кряду, в нем много потайных комнат. Идешь по коридору, видишь — занавеска висит, присмотрелся — а это юридический отдел! Рядом с юридическим отделом комната программистов, рядом с программистами — патронажная служба. И везде меня водят, со всеми знакомят. И все мне рады, хоть вроде и отвлекаю их от работы.

— «Ада, а что такое «Джойнт»?» — «Американский объединенный еврейский комитет

по распределению фондов. Они нам очень помогли» — «А я думал, это означает косяк с марихуаной». — «Да нет, ты что...»

Когда на втором этаже не осталось что смотреть, мы трое (я, Ада и собачка Дина, которая от Ады не отходит ни на шаг) спускаемся назад на первый, где тоже есть много интересного. Например, медицинское отделение. Там сидит приятная женщина в белом халате. На стене висит стенд, как во всех больницах, только на нем надпись «Лехаим».

— «Лехаим это ведь говорят, когда выпить собираются, да? Причем же здесь медицина?» — «Вадик, «лехаим» на иврите означает «жизнь». За неё и пьют. Связь с медициной самая прямая».

Намаявшись со мной, Ада с Диной передали меня из рук в руки Роксане Либкинд, руководителю группы «Мазл Тов» (что означает «мазл тов» я спрашивать не стал, пусть думают, что я уже знаю). В Хэсэде, оказывается, есть еще ясли, детский садик и даже начальная школа. Роксана — это такая добрая волшебница из сказки про заколдованный домик. Впрочем, работая с детьми, волшебницей быть необходимо. К тому времени все дети уже разошлись, садик был пуст. «Это сейчас здесь так тихо, — говорит Роксана, — а днем можно сойти с ума». Дети Хэсэда все очень талантливые. Они играют в театре, поют, танцуют, рисуют. Жаль, что в моем детстве такого садика не было.

Поднимаемся выше, на другие этажи. Мне показывают компьютерный класс, актовый зал, останавливаемся возле своеобразной стенки почета, где висят фотографии известных евреев Западной Украины, друзей Хэсэда. К стыду своему, должен признаться, что, будучи львовянином, ни про кого из этих личностей я никогда не слышал. Кроме, разве что, кардинала Гузара.

— «Роксана, а это Любомир Гузар?» — «Да». — «А он разве?..» — «Да вроде нет. Но мы принимаем помощь любую, в том числе, и словом». — «Ясно. А это кто?» — «Со скрипки? Альфред Шраер, 80 летний музыкант. Родом из Дрогобыча. Ему 80 лет, но энергии не занимать». — «А кто эти двое?» — «Джазовый дуэт Полянских. Также очень известный». — «А вот этот?» — «Януш Юхницкий, актер театра имени Заньковецкой». — «А это?» — «Это огне-тушитель...».

Чтобы добить меня окончательно, Роксана, попрощавшись, передала меня Оле — женщине в больших и умных очках. Оля работает в музее «По следам галицких евреев». В этом музее можно узнать, как раньше выглядели улицы Львова, сколько там было синагог, увидеть своими глазами сохранившиеся древние свитки Торы и многое-многое другое. Например, что Украина занимает четвертое место по количеству праведников мира. И что знаменитые писатели Станислав Лем, Йозеф Рот, Бруно Шульц, Станислав Ежи Лец — самые настоящие галицкие евреи.

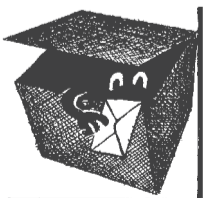
...Вернулся я обратно к Аде полный информации и жутко уставший. — «Ада Исаковна, у меня голова квадратная!» — «Ты пойдешь домой, все обдумай, потом возвращайся и скажи, чем ты хочешь у нас заниматься». Ну, я пошел, подумал. Решил, что буду бабушек навещать. Думал, может лучше с детьми заниматься? Хотя зачем мне их, маленьких, пугать? Да и чему они у меня хорешому научатся? Нет, лучше с бабушками, они уж всякое повидали.

Ну и еще в газету буду писать время от времени. До скорых встреч!

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

ВОПРОС:

Прошу Вас объяснить позицию общественной благотворительной организации «Хэсэд» относительно подопечной Ш.Н. Какие изменения были внесены в структуру и уставные документы вашей организации в течение последнего года? Свой вопрос я, **племянница и опекун** гр. Ш.Н., связываю с тем, что летом 2008 года всяческая помощь от «Хэсэда» моей престарелой и тяжелобольной тётё, инвалиду 2 группы, была без объяснений на год внезапно прекращена, за исключением одной коробки мацы на праздник Песах... Т.В.П.

ОТВЕТ:

Уважаемая Т.В., дело в том, что Вы нотариально заключили Договор с Вашей тётёй о её пожизненном содержании (за что тётё завещала Вам квартиру). Согласно условиям Договора об опекунов, Вы приняли на себя обязанность обеспечивать свою тётю всем необходимым: медикаментами, продуктами питания и т.д., не так ли? Поэтому, используя утверждённые Критерии работы Хэсэда, мы сняли Вашу тётю с обслуживания. Цитируем Критерии оказания помощи по программе «Уход на дому»: «Подопечным, имеющим официальных опекунов, патронажное обслуживание не предоставляется». Можно было бы много говорить о моральном и этическом аспекте данного вопроса: о принципах справедливости (в условиях сокращения бюджета снять с обеспечения услугами людей, которым помогают, и оставить тех, кому помощи ждать неоткуда), о законах личной ответственности (необходимость помогать родным), но, отвечая Вам, мы решили руководствоваться исключительно правовыми нормами и Критериями оказания помощи в нашей благотворительной организации.

Администрация Хэсэда

ЛЕВ ШЕСТОВ

(1866 — 1938)

... ужели доброе мы будем принимать от Б-га, а злого не будем принимать? (Иов. 2.10)

Мука смертная писать о философах! Да еще коротенько. Сами-то они коротко не пишут! Попробуйте уложиться в одну страничку и рассказать о жизни, деятельности, особенностях мировоззрения и т. д. А редактор все равно недоволен поморщится — длинно... И не хочется писать все ни о чем или ничего обо всем, а ведь Шестов — личность в философии действительно интересная, стоящая особом...

Иегуда Лейб Шварцман родился 31 января (12 февраля) 1866 г. в Киеве в семье крупного коммерсанта. Купец первой гильдии Исаак Шварцман был деловым человеком, но также знал древнееврейскую литературу и, хотя был вольнодумцем, пользовался авторитетом в еврейской общине. Как сын уважаемого еврея стал философом Львом Шестовым, я и попробую вам рассказать.

Начнем с псевдонима. Сам Шестов на эту тему не распространялся, но охочих разрешить ребус было немало, и предположения высказывались самые экзотические. Мне представляется наиболее вероятной такая версия: Ш-ЕСТ-ОВ, т. е. Ш (Шварцман) ЕСТ (есть) ОВ (Иов). Вознести себя до библейского пророка... Но скорее до его продолжателя, последователя, ученика, т. к. Шестов отказывается от идеализма, от превосходства ума над верой, превозносит страдание и вопль Иова, вынесенный в эпиграф, полностью разделяет.

Путь его исканий поначалу был извилист, как у многих талантливых людей. Вспомним Пастернака (от композитора, художника и философа — к поэзии!). Шестов поступил в Московский университет сначала на математический факультет, затем перешел на юридический. Его диссертацию по рабочему законодательству в России не допустили к защите. Шестов занимается адвокатурой, проходит военную подготовку в качестве вольноопределяющегося, помогает в работе отцу. Но заложенное в него свыше требует выхода: он начинает писать. Сначала это статьи по социально-экономической и финансовой проблематике, но постепенно философия и литература завладевают им полностью.

1895 г. отмечен первыми публикациями Шестова на литературно-философские темы, исследованиями творчества В. Шекспира, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, Г. Ибсена, Ф. Ницше.

Пережитая тяжелая депрессия, вынудившая уехать на лечение за границу, обратила его к теме трагизма индивидуального человеческого существования: неизбежность смерти, уничтожение мыслящего Я, болезни, страдания, зависимость от случая, преследующая каждого в течение жизни.

Философ провел за границей много лет. Его имя обрело известность после публикации в 1902 г. работы «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)»...

Книга вышла отдельным изданием и имела шумный успех, была переведена на восемь языков (в том числе — китайский и японский). А за ней последовали: 1905 г. — «Апофеоз беспечности», 1911 г. — в издательстве «Шиповник» выходит шеститомное собрание сочинений Шестова.

Он уже год живет с семьей в Швейцарии, в городке Копле на берегу Женевского озера. Углубленно занимается классической европейской философией и богословием. Его размышления обращены к новому герою — Мартину Лютеру. Кроме его трудов, Шестов изучает труды средневековых мистиков и схоластов, многоотомные истории немецких догматических учений, лютеранства.

Результатом этих штудий была рукопись «Sola Fide. Только верю» (слова из лютеранского перевода Послания апостола Павла к Римлянам). Рукопись была опубликована в Париже только в 1966 г.

1914 г. Начинается первая мировая война. Шестов возвращается в Россию, надеясь больше не покидать родину, но все сложилось иначе. Погибает на фронте единственный сын, февральская и октябрьская революции 1917 г. застают его в Москве, но к лету 1918 г. он переезжает в Киев, где в народном университете читает лекции по греческой философии. В 1919 г. Шестов с семьей уезжает в Крым, а в начале 1920 г. проторенной дорожкой эмигрантов через Константинополь и Италию — в Париж.

Решение уехать из России закономерно. Наступали времена марксистско-ленинской философии, сводившейся к основному вопросу о первичности материи и вторичности сознания (т. е. — Бога). Что до Шестова, он не мог отказаться от сложного видения действительности. Исходной задачей философии Шестова было противопоставить абстрактной, общеоб-

зательной истине истину личную, субъективную, путь к которой ведет через трагедию и отчаяние.

Традиционную ориентацию философии на разум Шестов заменяет ориентацией на существование. Разум, по Шестову, соблюдая некие обязательные истины, лишает человека свободы творчества. В понимании Шестова, нормы морали тоже связывают свободу человека. Он прославляет действия, продиктованные верой, которую разум считает абсурдом. Эти идеи родственны мыслям датского религиозного мыслителя С. Кьеркегора, с трудами которого Шестов познакомился позже. Эта ранняя негативная философия Шестова изложена в его книге «Апофеоз беспечности. Опыт адогматического мышления» (СПб., 1905).

Перебравшись в Париж, в течение 16 лет он читает курс по философии в Институте славяноведения при Парижском университете, ездит с лекциями по Германии и Франции, продолжает писать. После публикации по-французски отрывка из статьи о Достоевском и книги о Паскале Шестов становится широко известным среди французских интеллектуалов.

Это был одаренный писатель с мощным публицистическим темпераментом, склонный к эпатажу и афористическому стилю высказываний. «Откуда у этого еврея такой блеск русской речи?» — недоумевал в 30-е годы Д. С. Мережковский.

По своему переплетая мотивы Ницше и Достоевского, Шестов предвосхитил идеи позднего экзистенциализма*, уже тогда предчувствуя будущие мировые катастрофы. Шестов смело переносит точку зрения философа на мироздания на объект. Восстает против диктата разума над сферой жизненных переживаний и гнета безлично-всеобщего над личностью. «Частному мыслителю Иову» Шестов отдает предпочтение перед Кантом и Гегелем.

Механическое перечисление его трудов мало что скажет несведущему человеку. Шестова нужно читать.

«Власть ключей» (Берлин, 1923), «На весах Иова. Странствования по душам» (Париж, 1929), «Скованный Парменид»** (Париж, 1932), «Афины и Иерусалим» (Париж, 1938) и т. д.

Шестов отвергает всякие попытки примирения веры и разума, потому и оказывается в оппозиции не только к рационалистической философии Аристотеля или Б. Спинозы, но и к основным представителям русской религиозной мысли: Вл. Соловьеву, Н. Бердяеву, С. Булгакову. Шестов видит себя в стане Лютера, Паскаля, Кьеркегора, Ницше, Достоевского. Причислить его творчество к истокам хасидизма нельзя. Он вообще равно удален и от иудаизма, и от христианства. Одна из заветных мыслей Шестова: для Бога нет ничего невозможного, и Бог может сделать бывшее невозможным.

Шестов никогда не принимал крещения, в его российском паспорте в графе «вероисповедание» значилось: иудей.

В 1936 году Шестов посетил Эрец-Исраэль как гость Хистадрага и был с почетом принят. Прямых духовных наследников у Шестова нет, но его взгляды повлияли на творчество многих мыслителей и писателей (А. Камю, Д. Г. Лоренса, Н. Бердяева и др.).

Этот одинокий мыслитель, один из первых вестников страшного XX века, скончался 19 ноября 1938 г. в Париже, в клинике на улице Буало.

В большой советской энциклопедии (2-е издание) Шестов даже не упомянут, как и многие другие мыслители, чьи взгляды не укладывались в прокрустово ложе воззрений, царивших в СССР. Изысканный анализ философских проблем, парадоксальное мышление, тонкое остроумие автора оставалось недоступным населению одной шестой части суши. Сейчас, в эпоху интернета и электронных библиотек, это стало возможным.

Давид БУЖЕВИЧ

* Экзистенциализм (лат. existētia существование) — крайне реакционная форма современной идеалистической мракобесия в буржуазной философии и литературе (Хайдеггер, Ясперс, Сартр); стремится подорвать доверие к науке, доказать бессмысленность жизни, бесплодность общественной деятельности, несостоятельность нравственности... одно из гнусных средств отравления общественного сознания идеологами империализма. — «Словарь иностранных слов». Москва — 1949 г. БСЭ (2-е изд.) высказывается несколько мягче, но, к сожалению, длинней.

** Парафраз на заголовке пьесы Эсхила «Скованный Прометей».

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

И вот сижу я месяца четыре назад на джазовом фестивале в «Культурном центре» на улице Гилель в Иерусалиме. А тут он въезжает на своей электрической телеге, азартно въезжает, такой вот Хаджи-Мурат. Подкатывает ко мне, я достаю фляжку, и мы начинаем, оба со знанием дела, обсуждать, на каком кладбище лучше лежать — на Масличной горе или в Гиват Шауле. Рассказываю ему о красотах кладбища на Масличной горе, откуда весь город на ладони, и Старый и Новый, и Храмовая гора — вот она, рядом — у меня там товарищ лежит давно уже, — а он не соглашается, говорит, что тяжело тем, кто придет, подниматься в гору тяжело. Так странно, раньше бы так не сказал. И вот на тебе, как в воду смотрел. Так мало времени ухнуло — а он уже здесь, в Гиват Шауле. И я, пространственный идиот, легко нахожу дорогу...

У Генделева было неприятное, трудное мне свойство. Проводишь с ним вместе день и вечер, такие Герцен и Огарев, Воробьевы горы, под тобой Москва и весь мир. Потом он вдруг останавливается и говорит: ну все, Сашка, я пошел. Поворачивается — и как будто этого дня не было, уходит. Не прощались, нет. Разворачивался и уходил. Мне же надо было еще стоять, говорить что-то, продолжать, а вернувшись домой, снова звонить, чтобы ничего не заканчивалось еще долго... И вот его смерть, к которой я не был готов... Никто не был готов, потому что все думали, что его невероятная витальность, внутренняя энергия вернут Мишу жить. Такой ведь непобедимый ванька-встанька, и все ждали, что вот ему сделают операцию и он, конечно, вернется...

За вечер до смерти я говорил по телефону с его женой Наташей, и она сказала: ты не волнуйся так, потому что Мише лучше. А потом утром я включил компьютер, а там, на экране уже написано, что его нет. Он ушел так же вдруг, как расставался с тобой, когда гуляли вместе. И хотя я понимаю, как мелодраматично, на грани вкуса, а то и за гранью, это сравнение звучит, но было именно так, а не по-другому. Однако стоит отстраниться, заглянуть вспять, вспомнить, и тут же понимаешь, что никакого стремительного «ВДРУГ» не было. Те, кто читали его стихи, знают, что в последние годы он много писал о смерти. То есть смерть была персонажем, живым собеседником его была смерть. Смерть и Бог, Господь (Тот самый, что «не знает по-русски и русских не помнит имен»), с которым он разговаривал в стихах, как и положено еврею, на равных, упрекал, корил Его, острил... Многие могут решить, вероятно, что это своего рода святотатство. Он же считал, что еврей, а тем более еврей-поэт, имеет право беседовать с Всевышним. Он просто не может позволить себе иначе. Вот это, я думаю, чрезвычайно важно для понимания его и сочувствия к нему, поэту и человеку, и, конечно, к его стихам. Сочувствие означает всего лишь попытку, интенцию чувствовать сообща, а если невозможно, то хотя бы параллельно, рядом, вслед...

Михаил Генделев и Александр Верник, 2008

Он говорил, что так смешно чувствует, что постарел. Есть, к примеру, женщина, за которой ухаживаешь очень долго, и вдруг она приглашает тебя в гости в другой конец города. И ты долго размышляешь, ехать или нет, и решаешь: нет, не поеду. Почитаю книжку. Или начну писать сам.

Пожалуй, что и все.

Думаю, надеюсь и жду, что его прочтут и потом еще читать станут долго, так долго, как вообще будут еще читать стихи, любить и думать.

Признаюсь: после чтения его стихов, а в особенности, если он сам читает вслух, другие стихи других поэтов, хоть и самых-самых великих, читать трудно.

Стихи Михаила Генделева, даже самые горькие, сверкают празднично.

Александр ВЕРНИК (Иерусалим)

Умру поеду поживать...
где
вверх стоит вода Невы...
где мамы с папою кровать...
и звон стоит от головы
круженья
света белова
и я
не отверну лица
в лицо поцеловать отца
вот батюшка награда
а

много и не надо
а
много и не буду
туда смотреть отсюда
где
улыбаясь словно я
как будто улыбаюсь я

...Я люблю мой русский — Пушкина, Гоголя, Набокова, Мандельштама, Пастернака, Платонова, Бродского, Вознесенского, Генделева.

Каждое предложение любого из них не перепутаю с предложением другого. Поэтому они все вместе есть родной русский.

Ты смотришь оттуда сюда, а я отсюда туда, и мы видим друг друга. Миша! Салют!

Борис Березовский (Лондон)

...Мы были очень близки. Я познакомился с ним примерно в то же время, как он приехал в Израиль (в семьдесят седьмом), он всегда читал мне свои стихи, написанные от руки, — он всегда писал от руки. Последнее стихотворение я напечатал ему на компьютере за день до того, как поехал в больницу.

Как это ни печально и страшно, он стал классиком. Это стихотворение осталось у меня, но мне сейчас очень грустно, поэтому я не хочу и не буду читать сейчас его стихотворение. Может быть, после похорон...

Лев МЕЛАМИД,
писатель, журналист, редактор, один из
ближайших друзей Михаила Генделева
(Иерусалим)

...Не знаю, почему я был так уверен, что Миша из этой истории выкарабкается. Наверно, потому что плохо представлял себе свою жизнь без него. Мы очень дружили и виделись постоянно — как не расставались. За несколько дней до беды позвонил Веллер и сказал, что Мише стало лучше, и я уже совсем успокоился. Никогда ещё не испытывал такую растерянность от ухода близкого человека — как-то в этот раз особенно неправильно. Звонит телефон, а я слышу его голос: "Привет, дорогой мой..."

Андрей МАКАРЕВИЧ, поэт, музыкант,
лидер группы "Машина времени" (Москва)

...Это ужасная потеря, потому что Миша, Миша Генделев, был из поколения динозавров. Из поколения уходящих людей, крупных поэтов. Хотя поэтов нельзя сравнивать, для меня он был уровнем Бродского. У Миши было особое отношение к поэзии — не как к игре, а как к трагическому протеканию жизни.

Он был поэтом всегда. Не писал стихи, а ими жил. Это единственное, к чему он был предназначен...

Я доверял ему настолько, что единственному из московских друзей показал свой неоконченный фильм про Ивана Грозного.

Он очень хотел посмотреть, словно чувствовал... Все просил: «Покажи, покажи». Я ему одному показал. Он сидел один в зале. И сразу придумал название, сказав, что фильм должен называться "Царь". Одно короткое слово — "Царь". Так с тех пор этот фильм и называется. Я искал это название. Миша помог.

Это был особый человек. Вместе с ним ушел целый мир — дружбы, поэзии, особых отношений. Но стихи остаются...

Павел ЛУНГИН, кинорежиссер,
народный артист РФ (Париж — Москва)

Я к вам вернусь
ещё бы только свет
стоял всю ночь
и на реке
кричала
в одеждах праздничных
— ну а меня всё нет —
какая-нибудь память одичало
и чтоб
к водам пустынного причала
сошли друзья моих весёлых лет
я к вам вернусь
и он напрасно вертит
нанизанные бусины
— все врут —
предчувствиям не верить
— серебряный —
я выскользну из рук
и обернусь
и грохнет сердца стук от юности и от бес-
смертья
я к вам вернусь
от тишины оторван
своей
от тишины и забытья
и белой памяти для поцелуя я
подставлю горло:
шепчете мне вздор вы!
и лица обратят ко мне друзья
чудовища
из завизжавшей прорвы.

Михаил ГЕНДЕЛЕВ

ХРОНИКА СОБЫТИЙ ХЭСЭДА

НАМ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО!!!

10 июля состоялся выпускной утренник в «Кен-Еладим» («Детское гнездышко»). Семь наших птенчиков пойдут в разные школы Львова. Преподаватели группы И. Сайдаковская, И. Топал, В. Бучковская, руководитель программы «Бейтейну» Е. Поволоцкая, директор Хэсэда А. Дианова пожелали им хорошего летнего отдыха, ну а то, что они лучшие, — сомнений не вызывает! Сотрудники нашего Фонда к пожеланиям присоединяются.

Конечно же, для нас нет ничего дороже детей... Они — смысл нашей жизни, наша радость, надежда на будущее, опора, гордость, но... только в том случае, если нам удастся своих детей «удачно» воспитать. А задача эта, как очень скоро начинает понимать любой ответственный родитель, не из простых. Даже когда в семье царят благоденствие и мир, перед родителями стоит большой вопрос: где найти общество для ребенка, которое будет:

— развивать его интеллектуально и эмоционально,
— дарить радость, а не нагнетать напряжение,
— раскрывать его таланты, а не возвращать комплексы,

— давать разносторонние знания, а не забивать голову пустяками,
— где его будут любить, но не избалуют?

НАМ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО!!!

Все это, и даже намного больше мы нашли в этом году в программе «Кен-Еладим». Это место, где мы встретились с творчеством, профессионализмом, пониманием, а главное, безграничным трудолюбием и искренней любовью к нашим детям.

Мы очень благодарны вам, уважаемые и дорогие преподаватели, за ваш нелегкий труд, за терпение, за искреннее душевное отношение, за то, что вы берете на себя «львиную долю» этого совсем непростого дела — воспитания наших детей.

Желаем вам замечательных летних каникул, добра и благоденствия!

Дина МАРКЕВИЧ, по поручению родителей

ЕВРЕЙСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Июнь был очень жарким и «плакал-дождил» каждый день в отличие от нас: дававших концерты, игравших спектакли, принимавших гостей — всегда с улыбками.

● 9 июня — познакомили 25 детей из Германии и Украины с экспозициями Музея, ОП, Клуба.

● 11 июня — совместно с Музеем истории религии с привлечением фондов Научной Библиотеки им. Стефанька открыли выставку «Евреи во Львове. Межвоенный период»;

● 18 июня — удивляли мировое светило в области медицины: невропатолога Натана Борштейна (Израиль) (Музей, Клуб, ОП Хэсэда);

● 21 июня — вспоминали Педагога, Литератора, Режиссёра Юдифь Львову (Клуб Хэсэда);

● 25 июня — большой творческий вечер хореографических коллективов в ТЮЗе стал настоящим праздником для львовян (ансамбль спортивного и бального танца «Аматор», ансамбль «Еврейские миниатюры», «Шереле», театр-студия «Дебют», вокальный ансамбль «Шейне мейделах»), Константин Соколов — Клуб, ОП Хэсэда);

● 26 июня — новая постановка В. Ольховского собрала своих поклонников (театр «Дебют» Хэсэда, спектакль «Немец» по рассказу Шолом-Алейхема);

● 29 июня — показывали «Всё тот же сон...» — спектакль по рассказу Д. Рубини, получивший гран-при IV Международного фестиваля еврейского театрального искусства «Созвездие Льва» (театр «Дебют» Хэсэда, режиссёр А. Дианова);

А также закупали и раздавали постельное бельё для лежачих (программа Администрация, «Уход на дому»), лечили (программа «Медицина») и ремонтировали (программа «Бытовая помощь»), кормили (программа «Питание») и анкетировали (программа «Кураторы»), а также много-много гуляли в нашем уютном внутреннем дворике (Детские программы).

И на этом, однако, до свидания!
До нового месяца!

Михаил Генделев родился в 1950 г. в Ленинграде. Закончил Ленинградский медицинский институт (ЛГСМИ). Работал спортивным врачом. С 1967 года писал стихи, которые не публиковались в официальной печати. В 1977 году эмигрировал в Израиль. С 1979 году жил в Иерусалиме, где много лет проработал также спортивным врачом. Участвовал в войне на юге Ливана как военный врач. В 1990-е годы много публиковался как журналист. Был первым президентом Иерусалимского литературного клуба (1992). Лауреат израильских литературных премий – Премии Этингера и Премии Цабана. Стихи печатались в израильских русскоязычных журналах "Сион" и "22", парижских – "Эхо" и "Континент". Михаил Генделев переводил стихотворения средневековых еврейских поэтов Шломо ибн-Габирыла, Аль-Харизи, Ибн-Эзри и др. (переводы печатались в израильских журналах "Узы" и "Земля и народ") и современных ивритских поэтов – Хаима Гури и др. Поэтические книги: "Стихотворения Михаила Генделева. 1984", "Праздник" (1993), "Избранное" (1996), "Царь" (1997), "В садах Аллаха" (1997), "Неполное собрание сочинений" (2003) и др. Роман "Великое московское путешествие" (первый том – М., 1993, еще два тома не изданы). Во Львове был со своим вечером в 1996 г., выступал в театре Курбаса, останавливался у А. Верника.

Заря какая
Боже правый
что никогда я не умру
как удивительно как странно
как
вспышка счастья на ветру
и не успел начать молитву
а вон и гибель налегке
с улыбкою гермафродита
как негр с розою во рту
слова слова не успеваю
едва произносить слова
речь влажная и речь живая
как
даже и не прерывал
на
темень гибель ослепленья
какое утро за...сь
что Господин от удивленья
мне скажет повторить на бис

Михаил Генделев

Это не воспоминания и не анализ его текстов и, тем более, не попытка что-то обобщить в его жизни. Но это, безусловно, попытка. Хоть немного, хоть как-то смахнуть, сбить наваждение смерти, исчезновения. Для меня писать канонические, последовательные воспоминания, анализировать и обобщать пока невозможно, рано, больно. Но разные картинки прошлого, отдаленного и близкого, отдельные фразы и, главное, его голос – ходят за мной по пятам, будят, тормозят.

Битое стекло, осколки общей жизни. Вот, пожалуй, эти разрозненные фрагменты, да еще пара снимков из того, что мне хотелось сейчас показать. И, поскольку я рассказываю о нем все время с 30-го марта, ночи его смерти, кому ни попадя, кто бы ни зашел, это и есть попытка записать собственный голос.

Есть такой район в Иерусалиме — Нева Яаков, «угодь Иакова», такой удивительный район, «там жили поэты, и каждый встречал...» — далее по тексту. Тогда, тридцать лет назад, было странное время, такое удивительное время, пасторальное совершенно. Казалось, кроме нас самих, здесь вообще никого не было, разве что «грузин» или «марокканец» одиноким статистом шел по улице над обрывом в пустыню — так, по крайней мере, мы знали тогда и даже были уверены. Тогда ягненок пасся рядом со львом, и никто никого не трогал, не обижал, не убивал, не ел. По крайней мере, сейчас, через тридцать лет после этого, в новом веке и в новом тысячелетии, когда кладбище в Гиват Шауле посещается мной чаще домов моих друзей, — мне видится, что тогда была полная пастораль. Конечно же, вздор, но чувство теперешнее именно такое.

...Шел человек, ладный такой, маленький, подтянутый, и тачил кресло, поперек себя шире, выше, больше. За ним семенила очень красивая и столь же, то есть очень молодая, женщина. Я был не один, я был со своим товарищем, товарищ нас познакомил — сказал: «Это Михаил Генделев, а это Саша Верник». Я не выдержал и тотчас же выпалил, что из-за таких женщин люди стреляются. На что немедленно Генделев ответил: «Меня вызывали на дуэль в Ленинграде...». — «И что же?» — живо заинтересовался. — «Вы благородно выстрелили в воздух?» — «Я отказался», — сказал он. — «Как?», — говорю я. «А честь?» — «Вы понимаете, — возразил он, несколько не смутившись, — с одной стороны честь, это верно, Пушкин, то-се, Лермонтов, а с другой — если бы я стрелялся и меня убили, то я не написал бы того, что мне назначено. А мне суждено было, я и прежде знал свое пред-

ОСКОЛКИ. О Михаиле ГЕНДЕЛЕВЕ

назначение». Вообразите: ровный тон, полная серьезность.

Вот так мы познакомились с Михаилом Самюэлевичем Генделевым, и мы дружили, и разговаривали, и виделись в течение тридцати лет — неровно, конечно, по-всякому....

За сутки перед тем, как он отчаялся на последнюю операцию (в течение пяти минут ему надо было решиться: нашелся донор для пересадки легкого), — он ко мне позвонил, было уже достаточно поздно, и прочитал, прокрякал самое новое стихотворение, только что закончил... Прежде читал звонко и очень молодо. Потом он стал крякать, потому что душили стероиды. Устроен же он был следующим образом: любой чужой, но, главное, свой собственный изъясня, порок, комичность доводил до пароксизма, до упора и дальше, чтобы никто потом не мог потешаться, поскольку все равно никто не сделает это лучше, смешней и злей, чем делал сам. Таким образом, кислород иронизирующим был перекрыт. Он позвонил: «Верник, я тебе стихи прочитаю». — Я говорю: «да, конечно, Мишенька, разумеется». Мы последние полгода только так и разговаривали — Мишенька, Сашенька. Да еще он, раздражаясь или торопясь, крякал: «Верник» либо отрывисто: «Сашка»... Он прочитал стихи. Не помню ничего, ни единого слова. Кто ж знал, что надо сразу запомнить. Ну, я сказал, что мне нравится — всякая фигня, которая в таких случаях говорится, впрочем, и не солгал — понравилось, — мол ты мне покажешь потом текст, я прочитаю, так мне трудно сразу на слух, и вообще, я сплю уже... Тогда он вдруг начал говорить об удивительно важных вещах, сбивших полностью сон, касающихся ремесла, касающихся дела, утверждал, что никто сейчас о поэзии вовсе не думает, и как-то так беспомощно — чего с ним не было никогда — он сказал: «Я стараюсь теперь успеть написать только то, что, кроме меня, никто не может. Времени-то остается всего ничего». И потом как-то уже совсем неуверенно, по-детски спотыкаясь, спросил: «А как ты думаешь, такое есть, что, кроме меня, никто не может?» — Я сказал: «Конечно, Мишенька, непременно такое есть. Много такого есть. Другого нет». Вот так мы с ним поговорили, потом что-то о стихах вообще, о том, что занятие поэзией — это занятие высокое....

Вообще-то, когда пишешь о ком-то, хорошо бы полностью себя исключить, чтобы тебя там не стояло, а был только тот человек, о котором ты думаешь и говоришь. Но так не получается.

Он говорил о том, что высокие стихи подменяются трамвайной скороговоркой. Здесь же очень важно сказать о его отношении к коллегам (любимое им слово), а особенно к начинающим. Он был учитель и собеседник совершенно потрясающий. У него был «гумилевский» синдром, он, может быть, даже осознанно, очень сильно хотел учить, и если он видел в человеке хоть что-то, что, как ему казалось, было не графоманством, готов был сидеть с ним часами. Иногда орал. Потому что был быстр, скор и нетерпелив к медлительности. Но совершенно при этом ястребиный глаз. Он сразу видел орех. Я, помню, прочитал ему одно стихотворение, там было: «она со сна». Он: как же так можно, какая сосна? Сосна — это елка. Елка, олива... Олива — слово, им любимое. И дерево, и слово в стихах. Здесь важно еще вот что: он без всякого кокетства, чванства и жеманства принимал сам любые слова — ну, естественно, от тех людей, чья точка зрения ему была небезразлична, — о том, что написано им. Я знаю много случаев, когда предложишь ему слово, строку, он звонит утром: я подумал и ее взял, вот она. И читает стихотворение уже с ней, и потом всегда благодарно об этом помнит. А второе — это то, что он легко сам раздарила другим. И — повторюсь еще раз — он был замечательным собеседником, невероятно доброжелательным и терпимым. Не знаю теперь, так было на самом деле, действительно, или же я сейчас, после его смерти, так думаю.

Он относился к молодым поэтам так, как ему казалось, поступал Пушкин, который, если вы помните, ни о ком молодом, ни о ком начинающем не написал дурного слова. Ни в качестве старшего коллеги, ни в качестве редактора журнала. И Миша в этом смысле был просто безупречен. Это притом, что он был торопыга, и часто капризный, и грубый вдруг, и какой угодно еще.

Он не сочинял стихи семь или даже восемь лет. И после этого он начал это делать с какой-то поразительной скоростью, каждый раз звоня и спрашивая: а ты не думаешь, что я повторяюсь? Больше всего не хотел, боялся повторюсь. Он и не повторялся. Не хотел паразитировать на отработанном. И буквально за несколько лет написал, кажется, шесть или семь книжек. Они все уже изданы. Он ведь делал то, чего не делал никто. Я не говорю о бабочке «поэтиного сердца», с которой он носился и не только в стихах, бабочка у него даже на лацкане сидела, на шее

повязана была. И было в этом одновременно и продуманное, и детское. Например, он видел книгу еще не написанных стихотворений сразу всю. Знал безошибочно, где ее начало и где конец. Пропись стихотворения интересовала его, особенно в последние годы, меньше, чем общая архитектура и замысел. Он об этом и толковал — совсем недавно, совсем незадолго перед тем, как все случилось, или, наоборот, как все случиться перестало. Говорил в ту последнюю ночь, когда позвонил, о том, что уже сейчас написал половину книжки, но это неважно, поскольку он не обращает внимания на детали, на пропись слов, а ему очень важна структура, общее строение раздела, всей книжки. И лишь потом можно работать подробно с текстом, синтаксисом, словами. Огромное количество черновиков. В дом войдешь — всё устлано листами.

Вообще, он же был еще и боксер когда-то, классно скроен, строен, хорош. Такой изящный, верткий, он иногда совершал в воздухе боксерские жесты, удары наносил.

И сразу же перескакиваю — Миша однажды вернулся из Москвы, сравнительно недавно, он все время сюда наезжал, там он жил совсем подругому. Но он не уехал бы отсюда, сумей здесь зарабатывать тем, что умел. А умел многое. И, оправдываясь перед всем белым светом, говорил, что он уезжает только потому, что — вот ты, дескать — это мне — служишь, и у тебя всякие там пенсии и прочие защиты, а у меня ничего, что заработаю, то мое. И ни гроша не отложено. Жил Миша свободно, широко и изящно, красиво. Никогда не считал своего, никогда не остерегался переплатить. Резко меняя направление, русло, в сущности, всю свою жизнь. Так в один день перестал служить врачом, отказался от зарплаты и «защищенности». Результатом — через несколько месяцев (кажется, так) черная книга «Стихотворения Михаила Генделева».

Все, что он делал, он научился делать лучшим образом. Я совершенно не представлял себе, что он станет политологом, а он им стал. И пиарщиком стал, и кем только нет. Было время, когда он здесь долго работал журналистом. Он писал, с одной стороны, политологические статьи, а с другой — кулинарные рецепты. Он говорил, печалился о том, что его знают только по кулинарным рецептам, и никто не знает ни по чему больше. Не знает, что он «СОЧИНИТЕЛЬ СТИХОВ И ПОЭТ»... И вот тут-то как раз мостик к тому, что я начал говорить: он как-то приехал из Москвы, я его расспрашивал... Спросил: как к тебе в Москве относятся? У тебя есть круг, друзья есть? Я ни разу не был в Москве, пока он там жил, и ни разу не был в его московском доме. Теперь думаю, что ревновал его к Москве. Он сказал, что у него есть близкие друзья, и он ими гордится, и он им радуется. Я спросил: а к стихам относятся как? А твои коллеги? Потому что среди близких друзей, судя по именам, далеко не все были сочинителями.

И снова необходимо сказать, чтоб не забылось, Миша никогда не был снобом в дружбах и привязанностях. Дружил по интересу, по сердцу, а то и по капризу... От поэтов и олигархов до строителей, торговцев и уборщиц. Кто угодно приглашался в дом и был одинаково накормлен и обласкан.

Он с такой тоской ответил мне: «Ко мне относятся, может быть, и с уважением, почтением даже, я стал уже как бы и классик, по-ихнему, но вся беда, Сашка, что меня никто не читает. Стихов моих никто не знает. Стихи мои, в сущности, никому не нужны. Шутки повторяют, эпитафии. Не стихи. А имя, что ж, оно есть». И это была настоящая боль — боль, конечно, дурное слово, не его, он бы так никогда не сказал, это было бы слишком высоко, надо было занизить тотчас, сказать что-то ироническое. Но это была именно боль. Даже скорей недоумение: отчего же так?

Мы редко виделись, когда он приезжал, потому что вокруг него всегда были вечные именины, встречи и отъезды, прорва людей роилась, пила, ела... Остаться потолковать вдвоем было почти невозможно. Редко звонил и кричал — не любил телефона — приезжай сегодня, кормить буду тебе вкусно. И быстро скороговоркой, чего он наметил приготовить.

И всегда кипела жизнь вокруг него. И быть с ним было приключением, праздником и в радость. И это состояние праздника, и само прекрасное слово «праздник» было близкими Мише в жизни и в стихах.

И после кладбища, когда мы приехали к нему в мансарду под крышей, там тоже было сто человек, и все пили и ели. Никого не могло удивить, что его не было, потому что в последние годы, когда он болел и задыхался, он часто сидел у себя в кабинетике, окруженный подругами, книгами, бывшими женами, они ему что-то там печатали (с компьютером не сложились отношения...). А он сидел и дышал кислородом из машины. И никогда в этом не было даже оттенка жалости. И если кто-то хотел с ним поговорить, заходил к нему туда. Поэтому в общей комнате

его не было, как и в этот раз.

Еще о стихах. Я думаю, что своим учителем — живым — он считал Анри Волохонского.

И тут же такая картинка: в Тель-Авиве был не то поэтический турнир, не то какое-то действо, я туда поехал. Это было через месяц после того, как я «взошел в страну», приехал сюда, то есть тридцать один год тому назад, и там — уже не помню, где «там», — были три мушкетера и Д'Артаньян: Анри Волохонский, Михаил Генделев, Владимир Глозман и Лев Мелаид. И все четверо были бесконечно молоды, прекрасны, стройны, смешливы, они все были замечательны, и у них были шпаги и были береты с перьями, и они читали стихи. Словом — нет слов.

Так вот, учителем своим он полагал Волохонского. Он даже писал: «моим собеседником был Анри, он летал в поднебесье...». Я приходил в гости к Мише, Анри приезжал с Тивериадского озера, лежал у него на кровати и читал «Три мушкетера», всегда одну и ту же книжку, говоря, что это самая лучшая книга на свете, потому, что ты не можешь дожидаться следующей страницы, тебе хочется читать все дальше и дальше. Я это помню хорошо, и для меня это, безусловно, важный литературный критерий: если тебе хочется быстро переворачивать, читая и возвращаясь, идя до конца, и тебе ни секунды не бывает скучно, и только оттого грустно, что книга скоро закончится, и ты вовсе не думаешь о том, что чтение это труд... И есть, конечно, совершенно другая, известная точка зрения, — Саши Гольдштейна, который полагал, что чтение — это труд и что читателя нужно заставлять трудиться, что плотность текста должна быть крайне высокой.

И как не сказать здесь о том, что проклятые легкие убили в два года двух удивительных таких людей и таких замечательных писателей: они убили Сашу Гольдштейна, и они убили Мишу Генделева.

Знаете, Миша был замечательный товарищ, просто классный. С ним у меня всегда было ощущение тыла, защищенности. Когда у меня родилась вторая дочь (то есть двадцать пять лет назад), жена заболела, она лежала три недели в больнице, и Генделев приезжал ко мне, готовил еду (что он делал мастерски, впрочем, это классика, все это знают) и помогал мне пеленать и купать дочь. Наверное, есть еще его друзья, у которых такой же опыт отношений с ним.

Однажды он уехал за границу, по сути дела, это была первая поездка в Европу, я уже не помню, где он был, но помню совершенно точно, что в Монте-Карло он играл ночью в казино, новичкам везет, а он вообще был такой везучик, который умел выигрывать, ни черта не зная при этом. Он выиграл и тут же ночью купил себе потрясающий светло-бело-кофейный костюм и лаковые белые туфли. Утром прилетел в Израиль и приехал из аэропорта к нам. Он приехал к нам, говоря, что дома пусто, никого нет, а ему хотелось, чтобы на него посмотрели. Тогда же он написал такие вот пронзительные стихи:

«Никого нет/ у меня в дому/ только заметим вслед/ их нет/ но не потому/ что нет их/ их все нет...»

Великолепный костюм цвета сливочного мороженого, 1983

И я тут же вспомнил, что у Бредбери есть рассказ, который называется «Великолепный костюм цвета сливочного мороженого». Он был в этом костюме, он был похож на молодого Бальмонта, он был кудряв и прекрасен. Мы сидели и завтракали, завтрак затянулся до вечера, днем стали приходиться какие-то люди, вечером тоже, а Миша рассказывал о своей поездке и победах в казино и не только в нем.

Вероятно, с этого следовало бы начать. Для того, чтобы написать о человеке, которого любишь, а я Мишу люблю, и мне его недостает, и не потому и не столько потому, что он был высокий поэт (ведь остаются книжки), — нужно все время видеть его, этого человека, и не видеть, не помнить себя. А это невероятно трудно.